

Памяти Бориса Арановича

Однажды январским утром тысяча девятьсот девяносто четвертого года, в самый разгар перестройки я больше не нашел денег, чтобы оплатить школьный завтрак своей дочери Насти. Моя жизнь сорокалетнего ученого-физика, без пяти минут профессора и заместителя заведующего кафедрой «Физики высоких плотностей энергии» приостановилась. Собственно она приостановилась почти полгода до этого, когда в стране рухнула и промышленность и наука, а я, зачем-то отказавшись от должности профессора Лаборатории Физики плазмы Принстона, бомбил на своей машине в Москве и обслуживал шелкографические станки.

Тем утром я позвонил своему институтскому товарищу Сереже Голубенкову и попросил о любой помощи. Он, хохотнув, предложил поехать переводчиком в американскую нефтяную компанию в Западную Сибирь. Но мне было не до смеха и, поборов страх и унижение, я согласился, прошел собеседование, не зная ни одного профессионального термина, и через два дня летел charterным рейсом на месячную вахту в Когалым. Летел в полную неизвестность наново переписывать свою жизнь и судьбу. В дорогу моя жена Наташа собрала мне кусок сала, шерстяные носки и два блока сигарет, купленных на одолженные у друзей Алимовых пятьдесят рублей. В самолете среди притихших американских нефтяников было необычайно грустно и очень одиноко. Я как-то тихо притыкнулся к будущему помощнику американского бухгалтера Гене Глезеру, а вокруг бушевали пьяные юные ветераны переводческого дела, несколько вахт обслуживавших до этого американских буровиков. Под крылом самолета горели в ночи на месторождениях газовые факелы, и к утру мы сели в Когалыме.

Зима, мороз. В редком перелеске на окраине города длинный, прекрасно благоустроенный барак. Потом он все больше и больше напоминал мне подводную лодку. Американцы разошлись отдыхать по комнатам, а нас по очереди стали приглашать в офис к иноземному начальству. В свой черед я увидел за столом усталого, голубоглазого, с коротко постриженными снежно белыми волосами мужчину. Мой визави улыбнулся ставшей для меня навсегда Бориной, какой-то одновременно и храброй, и застенчивой улыбкой, и проговорил с замечательным распевным южным акцентом.

-Здравствуй, давай на ты. Меня зовут Борис,-

-Меня, Михаил.

Я как-то вдруг успокоился. Передо мной сидел ровесник, пусть и американец, но, несомненно, как и я, дитя канувшего в Лету СССР. И тоже не весть какими попутными ветрами занесенный в Сибирь. Все про меня и мою ущербность переводчика он понял разом.

- Миш, сможешь работать по радиации с американскими ремонтными бригадами и нашими местными подрядчиками?-

- Попробую, спасибо.

Это «спасибо» наступило в шесть утра. Я не понимал по хрипящей радиации, чего от меня хотят. Что обозначает концентрация соляного раствора для глушения скважин, когда надо заглушить скважину перед подъемом подвески, когда подготовить дорогу к подъемнику, чем надо помочь каротажникам, какую деталь надо переправить в поле со склада, и прочее, и прочее, и прочее ... Наступил сущий ад первых дней первой моей сибирской вахты. Я был близок к отчаянию, от которого меня спасал Боря. Будучи самым занятым человеком на нашей Базе «Петрус», он каким-то непостижимым образом всегда оказывался рядом, помогая перевести профессиональный слэнг, подготовить какую-нибудь заявку или советуя послать на х... упрямого собеседника, и все это с чудесным бакинским акцентом и белозубой веселой улыбкой. У него был удивительный дар общения с самыми разными людьми – руководителями ЛУКОЙЛа и уборщицами, американскими инженерами и местными ассенизаторами (постоянно норовившими слить говно прямо за забором Базы), американскими и канадскими бригадами и операторами загадочного сваебоя (управлялся который только сваебойным матом), американскими руководителями проекта самого высокого уровня и русскими буровиками, бандитами и инженерами, да, собственно, со всеми атомами внутренних и внешних миров нашей подводной лодки. На Боре держалась вся связь между американской и российской сторонами нашего сибирского проекта по ремонту тысячи (!!!) лукойловских скважин. Кроме всего прочего он, по крайней мере, на первых порах, был руководителем всего вспомогательного российского персонала, включая и самую разношерстную и самую разновозрастную армию переводчиков. Многие солдаты этой армии были выкинуты на помойку со ставшими ненужными Родине высшими

образованиями и опытом. Но по прошествии очень короткого времени быстро эволюционировали в профессиональных специалистов зачастую совсем нового для них технического, логистического, управленческого или финансово-экономического профилей. Надо отдать должное сменщику Бориса Александру Хачатряну, составлявшему с ним удивительно гармоничное и непротиворечивое целое. Вахтовая жизнь очень тяжела и от вынужденного сосуществования в двух разных мирах, часто возникал соблазн превозносить себя над сменщиком, которого вы почти не видите и встречаетесь только в аэропорте. Но никогда я не видел даже малейших проявлений этого губительного соблазна у Бори и Саши. А ведь по складу характера, привязанностям и манерами общения с людьми они были совершенно разными. Искреннее уважение и умное понимание этих различий были у Арановича и Хачатряна очень надежны и послужили для меня бесценным уроком профессиональной вахтовой этики.

Во время когалымских вахт, особенно первых, на Базе царил сухой закон. Размачивали мы его тайком у нашего великого голландского повара Питера Корнелиуса Очхорна, которого в народе звали Петрухой, а в местных околотках Петром Корнеичем. Через несколько вахт судьба опять свела нас вместе. Появилось новое месторождение Тевлин, и я с двумя канадскими и тexasскими бригадами и любимым другом Петрухой уехал работать и обустраиваться за сто с лишним километров от Когалыма помощником управляющего. Высокое начальство стало теперь от нас далеко, а американскими управляющими на Тевлине стали два совершенно разных сменщика – луизианец Роберт О`Нили и тexasец Джон Мак Диффитт. С Джоном мы подружились еще в Когалыме и я был его собакой-поводырем, умея в единственном числе переводить и своим соотечественникам, и другим американцам протяжные эротические стоны, называемые тexasским наречием. И Роберт и Джон относились к выпиванию вполне благосклонно, и мы иногда предавались этому занятию под чудесные закуски Петрухи и копченую рыбу, которую сами с Джоном и ловили. Индейский мой друг, правда, много больше горячительных напитков любил свой жевательный табак, которого нахаркивал за день с полведра.

Ко времени начала Тевлиниады мы уже проработали в Сибири довольно долго и вахтовые усталость и однообразие все больше и больше давали о себе знать. Когда мы еще только-только обустраивали базу под

руководством чудесного англичанина Джима, жившего с родителями на чесночной ферме в Зимбабве, зимним утром к нам из Когалыма приехал Боря. О ста двадцати километрах от Базы «Петрус» до Тевлина стоит сказать отдельно. Зимой эта бетонная дорога была покрыта льдом с торчащими арматурными прутьями, на которые регулярно нанизывались несчастные легковушки. Поэтому каждое путешествие на Тевлин могло стать в гололед смертельным испытанием (на этой дороге героически прославился водитель нашего вахтового автобуса, который каждый день, без единого выходного и сменщика, на протяжении полутора лет !!!, утром и вечером привозил и увозил с Тевлина вспомогательный персонал – четыреста восемьдесят километров в день в полярной ночи). Боря поднялся ко мне в офис на втором этаже вахты-80. Он выглядел очень усталым. Поговорил с Джоном, потом, улыбаясь, посмотрел на меня лукаво и попросил показать месторождения. Я сел за руль нашего огромного Форда F-350 и, памятуя о лукавой улыбке Бори и увесистый пакет в его руке, прихватил на всякий случай свежей копченой рыбки и маринованных огурцов. Мы наведались на два подъемника, поговорили с рабочими и бригадирами, полистали бережно передаваемую от бригадира к бригадиру кипу журналов Хастлер, и развернулись по сверкающей тундре к дому. Было самое раннее начало весны, и тени от деревьев уже стали синими.

-Слушай, давай разведем костерок на берегу реки, посидим немного. Я очень устал,-

сказал мне Боря,

-Ты же все места тут знаешь!

Я включил оба моста и свернул на берег Тром Ягуна, отороченный огромными кедррами. Борис повеселел, мы разожгли из душистого кедрача костер и само-собой из пакета появилась бутылка. До этого мы никогда не выпивали на вахтах вместе. Для меня было бы непозволительным цинизмом испытывать доверие своих работодателей. Но тогда я понял, как он устал, и как не хватало ему самого простого дружеского общения и водки в эмалированной кружке, и чудесного холодного копчения язя. Надо сказать что Боря, равно как и я, очень ревниво относился к милым нам обоим традициям советского застолья и вспоминал об этом с необыкновенным весельем. Мы знали как правильно положить на кусочек черного хлебushка

кильку пряного посола (Боря всегда произносил по-бакински «кильку» с ударением на «у»), как надо правильно закусывать шпротами, как наливать водку в рюмку «по Марусин поясок», что в вобле самое вкусное – пузырь, поджаренный на спичке, ... Потом, когда, вернувшись в Когалым, мы снова работали вместе над созданием огромного цеха по ремонту и обслуживанию погружного оборудования, Борис приглашал нас на свою квартиру, где с удивительным хлебосольством накрывал «поляну». Но тогда на Тевлине под чудесный звон белых эмалированных кружек, украшенных красной ягодкой, я впервые слышал его рассказы. Один из них я запомнил особенно. Борис до страшных девяностых работал мастером на буровой платформе на Каспии (вот почему все сибирские нефтяники сразу чужаки в нем «своего!»). В Баку уже дымился запах скорой резни и однажды к их платформе попытался причалить катер с кучкой вооруженных азербайджанских националистов. Они требовали выдать им всех армян и евреев.

-Щас выдам, -

с готовностью прокричал с высоты платформы огромный помбур украинец и метнул в катер сломанный тяжеленный буровой ключ. Двухпудовая железка проломила палубу, едва не отправив посудину на дно. Гады быстро смылись от интернациональной крепости, пообещав вернуться. И они вернулись. В город, который не знал до этого никакой национальной розни. И в Баку, где в смещении десятков кровей появились самые красивые на земле женщины, полились реки крови, теперь уже пролитой. И Борис с женой Мариной и детьми, чудом оставшись в живых, бежали от долгой прожитой на разрушенной Родине жизни.

Костер наш догорал, и Боря засобирился в Когалым. С той поры мы так же встречались иногда на берегу реки. Всегда вдвоем. Очень любили ходить в гости к хантам. А однажды на высоком берегу Тром Егуна нашли хантыйское клабище. Маленький лесной народ хоронил своих покойников в приземистых деревянных клетушках, приставляя к их стенам все то, что могло понадобиться ушедшим родственникам в другом мире – нарты, острогу, котелок или рыболовную сетку. Жаль, что на этом пустынном погосте большинство домиков были совсем крохотными.

Годы спустя мы встречались и в Москве, и в Техасе. Когда Боря заболел, мы виделись у него в Москве в Хохлах и на Баррикадной. Он был очень измучен

недугом, но все так же мужественно весел. И мы так же пили водку и закусывали ее килькой с ударением на «о».

Когда он ушел, я долго не мог собраться и написать о наших временах и встречах. Все никак не мог представить, что придется мне живому вспоминать о нем – ушедшем.

Но у Бога нет мертвых, у него все живы, и мы с тобой, Боря, еще встретимся на небесном Тром Ягуне. А пока я приставлю к твоему последнему домику белую эмалированную кружку с красной ягодкой.

М.Кириллов-Угрюмов.